

«Проба пера»

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-99-111

**ПРАКТИКИ НИЗОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ 1990-Х ГГ.
YOUTUBE-БЛОГЕРАМИ**

Л. Д. Чемериская

Чемериская Лада Дмитриевна, студент магистратуры, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: l.chemeriskaia@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8391-1616).

Аннотация

С развитием технологий опосредованной коммуникации расширились возможности для участия более широких масс в политическом процессе, включая создание коллективных представлений о прошлом и мобилизацию памяти. При этом в исследовательской литературе незначительное внимание уделяется изучению блогов, в то время как блогосфера является пространством для политической коммуникации, отвечающим признакам масштабности и открытости. Статья посвящена выявлению практик конструирования и репрезентации «девяностых» в нарративах YouTube-блогеров, которые позиционируют себя как «левые» или «правые» и тому, как в эти репрезентации вплетается критика действующего политического режима России. В основе работы лежит концепция коллективной памяти, а исследуемые практики понимаются в качестве низовой исторической политики. В результате сравнительного анализа нарративов о 1990-х гг. в дискурсе авторов YouTube-каналов «Максим Кац»¹ и «Вестник Бури» автор приходит к выводу, что «левые» и «правые» по-разному интерпретируют роль 1990-х гг. в отечественной истории, но в целом они сходятся в том, что современный политический режим, его конституционные основы, были сформированы ельцинским режимом. Кроме этого, как «левые», так и «правые» блогеры согласны с тем, что действующие властные элиты тиражируют миф о «лихих девяностых» для достижения своих целей, однако YouTube-блогеры расходятся в том, каковы цели использования этого мифа.

Ключевые слова: «девяностые»; «левые» и «правые»; политика памяти; YouTube-блогеры; нарративы.

В 2021 г. исполнилось 30 лет с подписания Беловежского соглашения, которое закрепило факт распада Советского Союза и создания независимых государств, включая Российскую Федерацию. Его крах запустил крупные изменения в экономической (хотя переход от плановой экономики к рынку начался раньше), политической системе и других сферах жизни. Распад СССР ознаменовал новый этап в истории нашей страны – постсоветский транзит – оценки которого в общественном сознании и академической литературе не только многовариантны, но и не теряют свою актуальность, что проявляется в спорах о «девяностых». Почему тема «девяностых» привлекает внимание спустя столько времени? Нередко российские политики и журналисты противопоставляют «лихим девяностым» определение «стабильные нулевые», которое возникло в результате неоднократных заявлений президента РФ В. В. Путина о «стабильности» как нового курса государственной политики России. О. Ю. Малинова отмечает, что изначально данная репрезентация не являлась «целенаправленной политикой памяти», но затем к противопоставлению двух десятилетий В. В. Путин стал прибегать для обоснования собственных решений (Малинова, 2018). Вместе с тем, «memory boom» в литературе часто связывают с новыми технологиями опосредованной коммуникации и социальными сетями, потому как они «радикально меняют границы между частной и общественной памятью», упрощая дос-

© Чемериская Л. Д., 2022

¹ Максим Кац включён в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 22.07.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/>.

туп к информации, что меняет ситуацию для национальных государств, которым необходимо продвигать какое-то объединяющее видение национального прошлого (Interview with Olga Malinova, 2021).

Вместе с тем авторы, фокусирующие свой исследовательский интерес вокруг политического использования прошлого, мало внимания уделяют изучению блогов, в то время как блогосфера является пространством для политической коммуникации, отвечающим признакам масштабности и открытости. Это пространство является общедоступным источником информации, произведённой как профессионалами, так и любителями. Кроме того, блогосфера «открывает новые пути для участия в общественной сфере и выражения мнений» и способствует появлению «новых способов политического участия на низовом уровне» (Shaw & Benkler, 2012: 461). В данном контексте блогеры могут быть рассмотрены в качестве субъектов политики памяти – мнемонических акторов (Белов, 2020), которые транслируют свои репрезентации былого, и тем самым потенциально влияют на конструирование представлений о прошлом у своей аудитории. Таким образом, складывается своего рода низовая историческая политика.

Прошлое может использоваться для легитимации или делигитимации режима (Holmes, 2010: 108) и применяться для «оправдания / критики политического курса в модусах преемственности или контраста с настоящим» (Малинова, 2020: 59). Историческая политика способна оказывать влияние на ценностные модели «паттернов поведения и систем убеждения, а в долгосрочной перспективе на политическую культуру» (Wolfrum, 1999: 29).

Для исследования дискурса о 1990-х гг. в среде мы обращаемся к контенту YouTube-блогеров, так как видеохостинг YouTube является одной из самых крупных и популярных социальных сетей в мире и России². Важно и то, что целевая аудитория YouTube достаточно молода³. Это важно по причине того, что молодые люди более критично настроены к российским властям, нежели представители старшего поколения, о чём свидетельствует опрос Левада-центра⁴ о доверии к институтам (Гудков, 2020). Более того, свежее исследование Касамары В. А. «Патриотизм в условиях неопределённости» также фиксирует поколенную тенденцию к снижению доверия к власти⁵ (Касамара, 2022).

Создание коллективных представлений о прошлом и мобилизация памяти – неотъемлемая часть политического процесса (Сафронова, 2019). А «контроль над памятью является формой власти» (Hirsch, 1995: 23). И современный политический режим использует девяностые в качестве антипримера тому, что существует в «стабильной» России настоящего. Однако символическая политика — это не просто укоренённая какая-либо одним актором интерпретация коллективного прошлого. Внутри этого поля могут существовать и альтернативные представления. Девятое десятилетие XX в. стало переломным для России. События тех лет можно осмыслить с разных позиций, в том числе и с позиций «левых» и «правых».

В этом исследовании мы ставим следующий вопросы: какими образом «левые» и «правые» YouTube-блогеры репрезентируют девяностые в своем дискурсе? Каким образом действующий режим подвергается критике через контраст с 1990-ми гг. в контенте «левых» и «правых» YouTube-блогеров? В чём совпадают и почему?

Теоретико-методологические основы исследования

В основе работы лежит концепция коллективной памяти, то есть разделяемые сообществом представления о прошлом. Впервые вопрос о коллективной памяти был поднят в 1920-е гг. французским социологом Морисом Хальбваксом. Идея Хальбвакса заключается в том, что коллективная память невозможна без социальных рамок, которые воспроизводятся в обществе. При том, что члены разных социальных групп вспоминают и воспроизводят события по-разному

² По данным ВЦИОМ YouTube занимает второе место по популярности среди россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-speroperacii> (дата обращения: 13.07.2022).

³ По данным сервиса Hootsuite [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slideshare.net/DataReportal/digital-2022-global-overview-report-january-2022-v05> (дата обращения: 13.07.2022).

⁴ Левада-центр включён в реестр иностранных агентов Министерством юстиции Российской Федерации.

⁵ Так, только 35,6% российской молодёжи (18–35 лет) считают, что действующая российская власть выражает их интересы. Ещё меньший процент молодых людей (17,8%) готовы безоговорочно поддерживать политику правительства.

(Хальбвакс, 2007). Представления о прошлом в данной концепции являются производными «от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи» (Малинова, 2018: 48), то есть воспоминания создаются и фиксируются с помощью коммуникации. Так, образы прошлого существуют не столько в памяти, сколько в обществе.

Развивают и значительно перерабатывают концепцию коллективной памяти супруги Ян и Алейда Ассман. Они соглашаются с тем, что коммуникация остаётся основным механизмом формирования памяти, но не разделяют идею М. Хальбвакса о памяти как продукте, всецело созданном социумом. Существует и индивидуальная память: «Субъектом памяти и воспоминания всегда остается отдельный человек, но он зависим от «рамки», организующих его память» (Ассман, 2004: 37). Я. Ассман пишет о том, что коллективная память существует как шкала из двух полюсов. Первый полюс – это коммуникативная память, связанная с воспоминаниями о недавнем прошлом. Второй полюс – культурная память, которая тесно связана с символами и мифами (Ассман, 2004). А. Ассман выделяет четыре «формации памяти»: индивидуальную, социальную, память политического коллектива нации и культурную память. Формации различаются по пространственно-временному диапазону, размеру и устойчивости группы. (Ассман, 2014). Интерпретации прошлого меняются. Они могут перестать соответствовать представлениям группы о самой себе, и поэтому заменяются другим мифом (другим толкованием прошлого) (Ассман, 2014: 17–62). Но не полностью. Нужды различных социальных групп, существующих в современном обществе, не могут полностью заменить реконструкции прошлого, которые были созданы предыдущими поколениями. Они изменяются лишь частично и находятся в зависимости от коммеморативных традиций прошлого (Armstrong & Crage, 2006).

В качестве основного метода в работе используется сравнительный анализ исторических нарративов. Нарратив – это сконструированный образ прошлого и один из основных способов репрезентации прошлого в политическом дискурсе (Малинова, 2018). Сравнение нарративов производилось по предложенной О. Ю. Малиновой схеме, в которой присутствуют следующие основания: основная идея, сюжетная линия, элементы-события, основные действующие лица, уроки (Малинова, 2017).

Эмпирические данные

Эмпирической базой исследования послужили видеоролики с YouTube, которые затрагивали тему 1990-х гг. Поскольку в YouTube отсутствует возможность провести рандомизированную выборку, по этой причине было решено разделить процедуру отбора случаев для сравнительного анализа в несколько этапов. Первый этап заключался в отборе блогеров. Для этого было задействовано две логики формирования выборки: «снежный ком»⁶ и категориальная (число подписчиков⁷, самоидентификация с левыми или правыми, упоминание 1990-х гг. в заголовках видео). При определении идеологической позиции мы опирались на самоидентификацию блогера как «левого» или «правого». На этом этапе были отобраны один левый блогер (Андрей Рудой – автор канала «Вестник Бури») и один правый (Максим Кац). Второй этап – непосредственный отбор роликов для анализа. На этом этапе мы ориентировались на наличие слов-маркеров в названиях видео. Кроме непосредственного указания на десятилетие и связанные с ним даты (90-е, 1990-е, девяностые, 1998 и так далее), мы обращали внимание на лица и явления того времени. В общей сложности было отобрано и проанализировано 35 роликов (представлены в табл.), вышедших до 1 января 2022 г.

⁶ В качестве отправной точки послужил YouTube-канал журналиста К. Сёмина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLrULWNBdKzUg0NJO-KX7395A1jdKSKx8n> (дата обращения: 30.12.2021).

⁷ Мы ориентировались на отметку в 250 тыс. подписчиков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2019/07/25/popular-youtube-channels-methodology/#how-we-mapped-channels> (дата обращения: 14.07.2021).

**Видеоролики, посвящённые 1990-м гг. на YouTube-каналах
«Вестник Бури»⁸ и «Максим Кац»⁹**

Дата публикации	Название
Вестник Бури	
22.08.2018	[1] Почему распад СССР – не крах социализма
09.10.2018	[2] Деградация партийной элиты СССР: от Сталина к Ельцину
19.10.2019	[3] « Чёрный октябрь » 1993-го: как Ельцин нёс «демократию»
27.11.2019	[4] ВРУНИШКА ПИВОВАРОВ. «Гибель империи», Редакция и «гений» Гайдар (feat. Олег Комолов)
30.06.2020	[5] Гибель экономики СССР . Как это было? / The collapse of the USSR economy [English subs]
06.07.2020	[6] Реформы 90-х : как Ельцин и Гайдар добивали Россию/ The reforms of Yeltsin and Gaidar in Russia
29.07.2020	[7] Путинский капитализм. Как Путин «спас» Россию от 90-х
20.08.2020	[8] Ельцин-центр : Цитадель лжи за наши деньги (feat. Егор Яковлев). Юрий Дудь, чиновники и «оппозиция»
19.08.2021	[9] Августовский путч 1991-го и ГКЧП : последняя попытка спасти СССР
06.10.2021	[10] Российские олигархи : откуда у них деньги? Часть 1: Потанин, Абрамович, Алекперов, Вексельберг
20.10.2021	[11] Российские олигархи : откуда у них деньги? Часть 2. Усманов, Дерипаска, Мордашов, Ротенберг
04.11.2021	[12] Олигархи-аутсайдеры : Березовский, Гусинский, Ходорковский. История взлёта и падения
Максим Кац	
28.05.2020	[13] История распада СССР и роль Михаила Горбачёва
02.06.2020	[14] Как реформы Гайдара изменили Россию
10.06.2020	[15] Зачем Ельцин расстреливал Белый дом из танков
26.06.2020	[16] Голосуй или проиграешь! Выборы Президента 1996
07.07.2020	[17] 1996–2020 — история фальсификаций российских выборов
09.07.2020	[18] Кто такой Григорий Явлинский
14.07.2020	[19] Как Путин пришёл к власти — кризис 1998 г. и второй срок Ельцина
21.07.2020	[20] Первая чеченская война
31.07.2020	[21] Путин: Начало . КГБ, мэрия СПб, Чечня и взрыв домов
15.08.2020	[22] Что такое ГКЧП
15.09.2020	[23] Беларусь 2020 и Латвия, Литва, Эстония 1991 . Как вернуть свободу и независимость
09.10.2020	[24] Борис Немцов
02.11.2020	[25] МИФ 1: либералы развалили СССР / 5 мифов о нашей истории
09.11.2020	[26] Выборы 1996 г. МИФ 2: Ельцин проиграл Зюганову / 5 мифов о нашей истории
23.11.2020	[27] ФСБ, Рязанский сахар и взрывы домов в 1999 г. МИФ 3. Подробное разоблачение конспирологии
02.12.2020	[28] Олигархи . МИФ 4: Путин победил олигархов / 5 мифов о нашей истории

⁸ Канал «Вестник Бури» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/c/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%91%D1%83%D1%80%D0%B8>.

⁹ Канал «Максим Кац» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/c/maxkat1>.

Дата публикации	Название
07.12.2020	[29] МИФ 5: Путин навёл порядок после лихих 90-х / 5 мифов о нашей истории
25.03.2021	[30] Анна Политковская . Журналистка «Новой Газеты» и первая жертва череды громких политических убийств
05.04.2021	[31] Лужков . Как самодурство и непрофессионализм мэра испортили Москву
18.05.2021	[32] Премьер-министры России. От Гайдара до Мишустина
20.08.2021	[33] 30 лет победы над ГКЧП . Праздник, который не нужен Путину
20.10.2021	[34] Ходорковский . Как бизнесмен стал личным врагом Путина
08.11.2021	[35] Путин: Первый срок . Чечня, Курск, атака на СМИ, Норд-Ост, дело ЮКОСа, вертикаль власти

Нарративы о «девяностых» в дискурсах Вестника Бури и Максима Каца

Репрезентация 1990-х гг. в дискурсе Вестника Бури

В первую очередь заметим, что нарративы о событиях 1990-х гг. в дискурсе автора канала «Вестник Бури» не находятся в вакууме. Повествуя о том, что происходило в 1990-е гг., А. Рудой обращается к более ранним периодам истории. Например, истоки разрушения СССР периода видит:

1. В экономических реформах середины 1960-х гг., которые стали отправной точкой перехода от плана к рынку. Они стали *«ключевым моментом для дальнейшей разбалансировки советской экономической системы»* [5]¹⁰.

2. В реформах перестроечной эпохи, когда случилось окончательное и бесповоротное разложение советской экономики. В частности, упоминаются: Постановление ЦК КПСС от 28 января 1985 г. № 97, которое *«отправило на вольные хлеба»* [5] АвтоВАЗ; Постановление от 19 августа 1986 г. № 991, а также принятие законов «О индивидуальной трудовой деятельности» и «О кооперативах», которые привели к появлению малого и среднего бизнеса и утрате монополии государства на производство и сбыт товара, в том числе и за границу; закон 1987 г. «О государственном предприятии» привёл к централизации управления крупными предприятиями в руках директоров (своего рода *«скрытая приватизация»* [6]). Вкупе всё это повлекло за собой спекуляции, усложнение ситуации с дефицитом продовольственных товаров и ухудшению экономической ситуации в целом. Также эти реформы стали предтечами реформ начала 1990-х гг.

3. Кроме того, Вестник Бури связывает распад Советского Союза и все рыночные реформы с деградацией партийных элит, чему способствовали гражданская война, в которой большевики понесли крупные потери, запретом фракций в 1921, «Ленинским призывом» 1924 г., террором 30-х гг., Великой Отечественной войной, разрастанием партии в 50-х гг. Эти же люди, *«бывшие функционеры КПСС и комсомола, действительно, составляют основу нынешней российской элиты составляют»* [2].

В дискурсе Вестника Бури можно выделить две **стержневые идеи**. Первая идея сосредоточена вокруг демонтажа социализма советского образца¹¹ и установления капиталистической системы с рыночными отношениями. Вторая идея гласит о том, что именно в 90-е гг. XX в. *«сформировалась нынешняя политическая система России»* [3], а олигархи стали правящим классом, получившим всю полноту власти.

Первая **сюжетная линия** затрагивает события 1990–1991 гг., приведшие к распаду СССР и образованию новых независимых государств и последующие либеральные экономические реформы уже независимой России. Основными элементами первого сюжета являются августовский путч и гайдаровские реформы. Так, экономический кризис подталкивает к возникновению национальных движений в республиках СССР, чему способствовал начавшийся процесс *«распила собственности»* и вопрос кому достанется управление всесоюзными предприятиями, а *«пальму первенства в борьбе*

¹⁰ Число в квадратных скобках соответствует номеру видеоролика (см. табл.).

¹¹ События 1989–1991 гг. являются, по мнению автора блога, контрреволюцией. О контрреволюции он говорит в дисклеймере к своему ролику «Почему распад СССР – не крах социализма».

за отделение у низовых национальных движений забирают бюрократы из местных партийных верхов» [9], вроде Л. М. Кравчука (УСССР) и Э. А. Шеварнадзе (ГСССР).

В условиях утраты авторитета в глазах народа М. С. Горбачёвым и возрастающего политического веса главного оппонента – Б. Н. Ельцина на фоне происходящих событий первый поручает подготовку проекта постановления о введении чрезвычайного положения комиссии, в которую вошли все будущие члены Государственного комитета по чрезвычайному положению. А. Рудой не согласен с позицией, что члены ГКЧП были «такими принципиальными коммунистами» [9], которые пытались спасти СССР, по крайней мере в том виде, в котором он существовал до начала 1990-х гг. Вестник Бури аргументирует свою позицию тем, что часть членов ГКЧП придерживались вполне либеральных взглядов, как например Валентин Павлов, который инициировал отпуск АвтоВАЗа на волю.

Вместе с тем, «пример ГКЧП демонстрирует скорее то, как не нужно делать перевороты и как вообще профукать все имеющиеся козыри», а сами ГКЧПисты – «натуральные политические вегетарианцы» [9]. ГКЧП «вообще забил на мобилизацию народов в свою поддержку», хотя референдум 1991 г. показывал, что народ выступал за сохранение СССР. Напротив, Б. Н. Ельцин мобилизовал народные массы, называя действия ГКЧП «антиконституционным» переворотом. А. Рудой проводит параллели между событиями августа 1991 г. и сентября-октября 1993 г.: «Ельцин рассказал (прим. в своей речи) фактически про собственное будущее. Кстати, двумя годами позже, когда Ельцин точно так же в обход закона сконцентрировал в своих руках всю власть, ввел танки в Москву, окружил Белый дом и столкнулся с противодействием огромного количества москвичей, устраивавших баррикады» [9]. После провала путчистов республики одна за другой начали провозглашать свою независимость, а ельцинское правительство издало приказ №79, который запретил деятельность Компартии РСФСР.

В конце 1991 г. формируется правительство Ельцина и Гайдара, начавшее череду экономических реформ: «шоковая терапия», сокращение государственных расходов на социальные нужды и «лютая» [3] приватизация, которые «были намеренной мошеннической схемой» [6]. Ваучерная приватизация в интерпретации Вестника Бури – это «самое крупное экономическое надувательство в истории России» [4]. В целом дискурсе Вестника Бури выстраивается исключительно негативный нарратив о последствиях «гайдаровских» реформ (в первую очередь для народа). Реформы привели: к «разрушению советского рабочего класса» [6]; к закрытию заводов и «люмпенизации огромной массы людей» [6], которые двинулись в криминал или осели на социальном дне; к сильному социальному неравенству; к «деградация медицины, науки и образования» [6]; к падению уровня жизни и обесцениванию вкладов. И именно команда Егора Гайдара поспособствовала тому, что «нынешняя экономика России продолжает оставаться ресурсоориентированной. И ещё больше зависит от мировых цен на нефть чем когда-либо» [4].

Вторая **сюжетная линия** делает акцент на формировании экономической и политической системы современной России, а также на том, какую роль в этом начинании сыграли олигархи. Отметим, что во многом события второй половины 1990-х гг. вспоминаются Вестником Бури сквозь биографии российских олигархов [10–12].

Наиболее важную роль в установлении современной общественно-политической системы сыграл «чёрный октябрь» 1993 г. Политика, проводимая командой Ельцина, «сплотила абсолютно разные оппозиционные силы» [3] против себя, что привело к тому, что депутаты Съезда отклоняют референдум по ельцинской Конституции. В ответ на это Б. Н. Ельцин начинает «издавать указы, которые издавать просто не имел права» [3], например, указ № 1 400 о конституционных реформах. Вокруг Верховного совета и Съезда народных депутатов спланиваются народные массы, но на стороне бывшего Президента РФ находятся силовые ведомства, которые штурмовали Белый дом.

Для А. Рудого ранние постсоветские годы не являются образцом демократии. Именно на примере событий 1993 г. Вестник Бури подвергает сомнению миф о демократических и свободных девяностых. В качестве иллюстрации этому он приводит пример несогласия региональных властей с роспуском legislatures и блокадой Белого дома: «В итоге премьер-министр Черномырдин отправил в регионы представителей уполномоченных снимать всех должностных лиц, выступающих против политики Ельцина. Прекрасный образец демократии» [3]. Кроме того, именно в событиях сентября-октября 1993 г. А. Рудой видит основу современной России. Октябрь 1993 г. стал «моментом окончательного рождения современной олигархической России. Правда, о родовых муках при появлении этого чудовища сейчас предпочитают забыть. Все. Включая самого чудовище» [3]. Это отсылка к мифу о том, что «Путин спас Россию от кошмара 90-х», который тиражируется в провластном дискурсе и популярен среди обывателей [7].

Действующие лица. Немалую роль в строительстве новой экономической и общественно-политической модели России в дискурсе Вестника Бури сыграли олигархи. Сами истоки олигархии он просматривает в экономических реформах первой половины 1990-х гг.: «*Олигархи, оккупировавшие власть, — это итог гайдаровский реформ*» [6]. Процесс же формирования олигархии завершается в 1995 г. и «*крайне эпично*» [6] — залоговыми аукционами, где «*по заниженным ценам были приватизированы крупнейшие нефтяные и газовые и иные компании. Они стали жемчужинами в олигархических империях*» [6]. Через биографии олигархов, которые до сих пор находятся в близких отношениях со властью (Абрамович, Дерипаска, Мордашов, Вексельберг, Усманов, Потанин), и «*олигархов-аутсайдеров*» [12] (Березовский, Ходорковский и Гусинский), которые стали терять свои позиции в конце 1990-х — в начале 2000-х гг., Рудой демонстрирует негативные явления и события 1990-х гг. Именно в контексте их биографий упоминаются: организованная преступность (Солнцевская ОПГ), рэкет [11], передел собственности («алюминиевые войны») [11], убийства публичных персон, в том числе одного из «*самых любимых народом тележурналистов*» Влада Листьева [12], Чеченская война и Хасавюртовские соглашения (Вестник Бури указывает на не последнее место Бориса Березовского в этом конфликте) [12].

Отдельно стоит упомянуть выборы 1996 г. Как было указано выше, А. Рудой ставит под сомнение легитимность и демократический характер ельцинской эпохи: «*Ельцин, друзья мои, захватывал страну еще до того, как это стало мейнстримом (прим. здесь отсылка к 2000-м гг.) — в 1993-м в 1996 годах*» [8]. Вестник Бури указывает на непосредственное участие «семибанкирищины» (агитация и продвижение в медиа, финансовая помощь) в кампании Б. Н. Ельцина во время «мутных» [8] выборов 1996 г., с целью недопуска коммунистов к власти. В частности, Рудой вспоминает скандал с «*мемной*» [12], «коробкой из-под ксерокса». Олигархи же и способствовали приходу В. В. Путина к верхушке власти в 1998–1999 гг., правда, некоторые из них позже перестали поддерживать новый курс по разным причинам, что привело их к не самому лучшему раскладу. А те, кто поддержал новые условия 28 июля 2000 г., остались при своём. А «*уродливая система, порожденная ими, продолжает работать*» [6].

В целом события 1990-х гг., по оценкам Вестника Бури, являются негативным опытом для народа — культурной травмой. При этом народ в нарративах А. Рудого является не только жертвой, но действующим лицом, активно принимающим участие в переломных моментах первой половины девяностых. Тут стоит отметить, что под народом здесь понимаются выходцы из советского рабочего класса. Отмечается, что Б. Н. Ельцин обладал поддержкой «*немалой части одуроченного трудового*» [9] народа, который вышел на многотысячные митинги против ГКЧП в августе 1991 г. Второй раз народ объединялся и выходит на улицы в сентябре-октябре 1993 г., но уже «*против Ельцина и его политики, хватаясь за последние возможности изменить ситуацию и вернуть утерянное с распадом Советского Союза*» [3]. И как полагает Вестник Бури, поражение «*простых трудящихся*» [3] гипотетически вызвало апатию в протестном движении.

Главными антагонистами в дискурсе автора канала «Вестник Бури» являются те, кто привёл страну к распаду, то есть партийные «*обуржуазившиеся*» [5],[9] элиты. А также те, кто стал выгодополучателям «*лихих девяностых*» — это зарождавшийся бизнес, который превратился в олигархические империи, «*оккупировавшие власть*» [6]. Именно принятие экономических решений второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. «*(...) ухудшило экономическое положение внутри страны, но было выгодно для нарождающейся буржуазии и олигархии*» [5].

Уроки. Транзит власти конца 1990-х гг. не ознаменовал конец олигархии в России: «*новая фаза не являлась отрицанием фазы предыдущей, но лишь логически ее продолжала*» [7]. И не стоит верить власти, которая противопоставляет сегодня и вчера, так как «*(...) это очень хитрый план: на словах ты порицаешь «девяностые», потому что это выгодно с имиджевой точки зрения, а на деле занимаешься их тихой реабилитацией*» [8]. Современная политическая и экономическая системы — «*это не выход из 90-х. Это просто развитие и трансформация 90-х*» [8].

Переход к капитализму и рыночным отношениям не решил проблемы, которые существовали в последние годы существования Советского Союза, как неконкурентоспособность отечественных товаров или зависимость от продажи нефти. А наоборот «*уничтожил целые отрасли российской экономики (...) и превратил страну в сырьевую периферию. Капитализм не только не создал ничего нового, но и продолжает паразитировать на старой материальной базе. А вместо инвестиций в национальное производство сотнями миллиардов долларов вывозит за границу национальное богатство нашего народа*» [4]. Вместе с тем Вестник Бури предлагает не отчаиваться, так как откат социализма является скорее закономерностью, нежели окончательным и бесповоротным провалом, так как

в истории разных стран у революций, в первую очередь буржуазных, были откаты, но в итоге всё равно установились буржуазные демократии (примеры Франции, Великобритании) [1]. И для того, чтобы попытка строительства социализма увенчалась успехом, необходимо учесть опыт и негативные тенденции, которые способствовали разрушению Советского Союза, вроде: железного занавеса и недемократического режима.

В целом нарратив о 1990-х гг. в дискурсе Вестника Бури окрашен мрачными красками. Для него распад социалистической системы привёл к плачевным последствиям в социальной сфере и во многом способствовал дальнейшей деградации экономики России и закреплению её ресурсоориентированного курса. Новая же политическая система не отличалась демократичностью, а её создатели – выходцы из обуржуазевшейся советской элиты и новообразовавшегося класса олигархов всё также находятся у руля, что пытается скрыть миф о «лихих девяностых», создаваемый государственным аппаратом.

Образ 1990-х в дискурсе Максима Каца

Повествование о 1990-х гг. в дискурсе М. Каца также затрагивает более ранние периоды отечественной истории. Он обращается как к предшествующим перестроичным годам, когда *«социальный договор»*, гарантировавший гражданам страны *«жизнь с предсказуемым будущим и понятными хоть, и несправедливыми правилами игры (...) к концу 80-х годов этот социальный договор действовал уже только на словах»* [14], так и последующими периодами *«путинскими годами»* [34].

Стержневая идея строится на том, что в начале 1990-х произошли долгожданные перемены в общественно-политической и экономической жизни страны. Эти изменения сделали жизнь граждан России *«сытнее и свободнее»* [33], но политические решения, которые иногда принимало руководство страны в 1990-е гг., привело к тому, что мы имеем сейчас – *«авторитарный режим со всесильными спецслужбами, контролируемые судами, основными СМИ и так далее»* [27].

Сюжетная линия фокусируется на противоречивости событий 1990-х гг. Во-первых, крах СССР – следствие неэффективности плановой экономики: *«ленинские идеи о плановой экономике и эффективности централизованного распределения ресурсов оказались ошибочными»* [25]. Гайдаровские *«тяжёлые»* [33], но *«жизненно важные»* [29] реформы 1990-х гг. – запоздалый шаг, который сильно повлиял на жизнь граждан России. С одной стороны, этот шаг ознаменовал *«чрезвычайно сложное время, когда плановая экономика была разрушена, а рыночные механизмы только начали набирать обороты и будоражить население»* [24], с другой – именно либеральные реформы создали базовые условия для последующего экономического роста конца 1990-х–начала 2000-х гг.: *«Оправившись от шока, экономика России начала быстро восстанавливаться»* [32].

Предшествовала либеральным радикальным реформам победа над ГКЧП, являвшаяся моментом *«рождения новой России»* [33]. Именно на это событие, по мнению М. Каца, можно опираться при конструировании новой идентичности, так как этот момент является *«единственным ярким прецедентом сопротивления гражданского общества авторитарным тенденциям»* [23].

«Шоковая терапия», над реализацией которой работала команда Е. Гайдара, началась в *«катастрофической»* для страны ситуации. Реформы шли не совсем гладко. Так, чековая приватизация *«была плохо подготовлена, осуществлялась в спешке»* [14], а проводимые позже залоговые аукционы прошли *«нечестно»*. При этом М. Кац отмечает, что роль аукционов *«сильно преувеличивается»* при этом *«нельзя сказать, что на них были розданы лучшие куски госсобственности»* [16]. Переход от плана к рынку оказался *«настолько болезненный, что у граждан возникло отвращение к его авторам, в частности к Гайдару, а слова либералы и демократы надолго сделались ругательными»* [14]. Сильнее всех пострадали наука, образование, культура, социальная сфера, структуры безопасности, что привело к обнищанию работников этих сфер и росту преступности. Но при всём вышесказанном, эти реформы в дискурсе Каца в конце концов имеют положительный результат для России: *«очереди и дефицит навсегда ушли в прошлое, и россияне их больше не видели»* [14], был остановлен развал страны, люди получили больше экономических и личных прав и свобод.

Во-вторых, несмотря на то, что в «девяностые» принимались неоднозначные решения, которые в будущем создали *«большую проблему для нашей страны»* [15], последнее десятилетие XX в. было временем свободы и насыщенной политической жизни, конец которой ознаменовал транзит власти. Претензии *«справедливо можно предъявить Борису Ельцину за события 93 года, за войну в Чечне, за дефолт 98 и особенно за выбор преемника»* [33]. Особенно важен здесь *«кризис двоевластия»* [24] 1993 г. В сентябре-октябре 1993 г. Ельцин, *«преследуя благую цель, продолжить курс на построение рыночной экономики, пошел на прямое нарушение закона и использовал армию для реше-*

ния политических задач» [15] вроде принятия новой Конституции, создания «настоящего профессионального парламента» [15] в лице Государственной думы, реализовать «настоящую» систему разделения властей» [15]. Собственно, у него получилось, но в условиях «острого политического кризиса» Ельцин и его сторонники не смогли предугадать последствия в долгосрочной перспективе, которые породила новая конституция в будущем. Оказавшись «фактически суперпрезидентской» [15], форма правления позволила «преемнику Ельцина – Владимиру Путину построить режим автократии» [15].

Первая чеченская война – интерпретируется М. Кацом как «одна из самых больших трагедий в новейшей истории» [20] России, которая «вызвала у страны посттравматический чеченский синдром» [20]. Российское руководство здесь, пожалуй, единственный раз в нарративе Каца выступает слабым, и это касается не только военной, но и политической верхушки страны. Первая чеченская война «завершилась поражением федеральных сил» [20] из-за «чудовищной» [20] организации военной операции особенно на первых этапах войны. Несмотря на всю неприглядность первой чеченской кампании, М. Кац не забывает напомнить о демократическом характере ельцинской эпохи, например, о публичном сборе подписей против войны Б. Немцовым, а также самоорганизации общества, хоть это и было вынужденной мерой: «Обществу пришлось самоорганизовываться ради спасения своих солдат. Именно в это время возникли Комитеты солдатских матерей» [20]. Вторая чеченская кампания стала «главным событием, на фоне которого к власти пришел Путин» [19], таким своеобразным трамплином, так как «жесткая риторика» Путина [19] и «действия федеральных сил в этой войне вызвали в обществе значительно большее одобрение» [35].

По ходу всего повествования М. Кац отмечает демократический характер ельцинской эпохи, противопоставляя ей авторитарный путинизм: «Никогда даже на фоне тяжелых событий (...) Ельцин не пытался использовать власть для ущемления свободы слова и свободы собраний, фальсификаций выборов и наступление на независимые СМИ, хотя Конституция давала ему точно такие же права, как и позже Путину, который этим шансом воспользовался» [19]. И даже выборы 1996 г. с делом о «коробке из-под ксерокса» не были «кристально чистыми, но по сравнению с нынешними они просто образец честности и справедливости». Более того, система сдержек и противовесов «работала отлично» и был «истинный федерализм» [16]. Но всё это закончилось с приходом преемника Ельцина с «авторитарными наклонностями» [34] – В. В. Путина. При этом путинский режим использует память о 1990-х гг. в своих целях, так как 90-е – «это неиссякаемый источник оправданий за неудачи дня сегодняшнего» [33].

В дискурсе М. Каца можно выделить следующие действующие лица:

1. Либералы, демократы и реформаторы во главе с Б. Ельциным. Именно либерально-демократические силы спасли страну от очередей, «тотального» [14] дефицита и потенциального голода. Первого Президента РФ М. Кац характеризует как «сильного и ответственного политика» [14], который способствовал строительству «нового общества и новой экономики» [33].

2. Коммунисты, их вожди ответственны за развал Советского Союза. Именно «убежденные коммунисты из ГКЧП» вбили «последний гвоздь в крышку гроба СССР» [25]. А экономическая система, построенная на идеях «коммунистических вождей», сталинская политика, «индустриализация и коллективизация, репрессии и насильственное присоединение территорий других стран заложили под СССР мину замедленного действия» [13]. Кроме того, на советских лидеров М. Кац взваливает вину за тяжесть последствий гайдаровских реформ, поскольку они строили «нежизнеспособную модель социалистической экономики, а потом десятилетиями тянул с провидением необходимых изменений, боясь потерять свою власть» [14], что привело «ситуацию в тупик» [13].

3. Народ / граждане России также выступает актором. В 1991 и 1993 гг. граждане вышли на улицы, однако Максим Кац говорит о том, что это были разные люди. «Если ГКЧП противостояли в основном представители интеллигенции, молодежь и студенты» [15], которые «вышли на улицу, чтобы бороться за надежду на перемены и лучшее будущее для себя и своих детей» [22], то в 1993 г. «на площадь перед Белым домом стеклись отставные военные, активисты левых движений и националисты» [15].

4. Запад, как и либералы с демократами, «тоже не хотели» дестабилизировать обстановку в СССР, так как это «создавало огромные риски для всего человечества» [25]. Однако именно Запад в лице МВФ помешал достижению быстрого результата «шоковой терапии» из-за того, что в отличие от Польши с Россией он «потребовал всё (прим. долги СССР) до цента» [14] (Максим Кац, 2020).

Основной урок, который М. Кац предлагает вынести, что у России был либерально-демократический опыт, который важно учесть, «чтобы не наделать таких же ошибок в будущем»

[19], когда удастся преодолеть авторитарное настоящее, а *«восстановление экономики началось не благодаря Путину, а задолго до его прихода во власть»* [14].

М. Кац декомпозирует 1990-е гг. В создаваемой им картине мира 1990-е были не простым периодом, но это было время, в первую очередь, насыщенной политической жизни. Максим Кац признаёт, что условия для нынешней власти сложились именно в этот период, но при этом он отмечает демократический дух 1990-х, который заключается в наличии конкурентных и честных выборов, доступа к альтернативной информации и независимости СМИ. И именно в этом, по мнению Каца, и состоит разница между 1990-ми и путинской Россией.

Сравнительный анализ нарративов о 1990-х гг. в дискурсах Вестника Бури и Максима Каца

Нарративы обоих блогеров сложно назвать простыми. Напротив, они достаточно сложны и многослойны, будучи развёрнутыми и наполненными большим количеством событий разного масштаба. Тем не менее, Вестник Бури и Максим Кац расставляют разные акценты в своих рассказах о 1990-х гг. Первый делает упор на экономику, а второй выдвигает на первый план политическую жизнь страны того периода. Это можно проследить по тому, как эти блогеры сопоставляют СССР, ельцинскую и путинскую Россию, а также по развёрнутости рассказа о каком либо-событии. Так, А. Рудой сравнивает достижения советской экономики и экономики капиталистической России. Также он разворачивает сюжет про олигархов и их роль в приватизации государственного имущества. М. Кац фокусируется на разнообразных атрибутах режима, вроде: прозрачности выборов, степени свободы СМИ, демократическом или авторитарном характере правления. Он развёрнуто повествует о выборах 1996 г., Первой чеченской войне и биографиях видных политических деятелей того времени, вроде Г. Явлинского и Б. Немцова.

Репрезентации же 90-х гг. в дискурсах Вестника Бури и Максима Каца достаточно сильно отличаются, хотя и имеют некоторые пересечения. Наиболее полярные нарративы у М. Каца и А. Рудого о причинах краха СССР и действиях младореформаторов во главе с Б. Ельциным. Во-первых, они сходятся в том, что именно советская верхушка сделала шаги к окончательному развалу Союза, но у блогеров разное понимание того, кто эту верхушку олицетворял. В нарративе Каца – это последователи идей коммунизма и плановой экономики, заложившие под Советский Союз *«мину замедленного действия»* [25], последствия взрыва которой пришлось разгребать команде Б. Н. Ельцина и Е. Т. Гайдара (Максим Кац, 2020). Вестник Бури обвиняет в крахе социалистической системы выходцев из *«выродившейся обуржуазившейся партийной номенклатуры»* [5] (младореформаторов он тоже относит к их числу) и рыночные реформы середины 60-х и позднего СССР. Напротив, М. Кац интерпретирует эти шаги как *«попытки реанимировать советскую экономику»* [13]. В частности, Максим Кац хоть и признаёт некоторые ошибки при проведении «шоковой терапии», но всё же оценивает *«экономическую реальность»* [32], созданную реформаторами, как основу *«спасения»* [13] экономики, *«восстановления и развития»* [32] России после 73 лет власти *«репрессивной государственной и военной машины»* [22]. Условия, созданные реформаторами, в долгосрочной перспективе обогатили население страны и обезопасили его от голода, хотя в первое время это стало сильным ударом для него. У Вестника Бури крах СССР и последовавшие реформы вписываются в сюжет травмы и трагедии для народа.

Если говорить о схожем, то, в первую очередь, есть соприкосновение нарративов о *«крайне сложных»* и *«драматических»* [3] событиях октября-сентября 1993 г. Оба блогера сходятся в том, что это был противозаконный шаг со стороны Б. Ельцина. По сути дела, был совершён *«государственный переворот»* [15]. Блогеры сходятся в том, что этот переворот заложил политическую основу России. Интерпретации заложенной базы разные. Вестник Бури считает, что *«1993 стал моментом окончательного рождения современной олигархической России»*, и это *«чудовище»* [3] продолжает существовать по сей день. М. Кац разделяет краткосрочные и долгосрочные последствия принятия новой Конституции. Если в первом случае переворот позволил создать систему разделения властей и *«стабилизировать»* [15] политическую систему, тем самым поспособствовав развитию демократии. В долгосрочной же перспективе закрепление суперпрезидентской формы правления привело к установлению авторитарного режима в 2000-е гг.

Второй момент. Левый и правый YouTube-блогеры расходятся в том, какое место занимали олигархи в 1990-е гг. В левом дискурсе олигархи стали *«новым правящим классом»* России, который получил *«всю полноту власти»* [3]. Именно они играли важную роль в политике и экономике, например, в победе Б. Н. Ельцина на выборах в 1996 г., в чеченском конфликте или при *«растипе на-*

родных достояний» [10], что впоследствии привело к установлению в России «своеобразной модели полупериферийного капитализма» [7]. Правый блогер считает, что такая интерпретация роли олигархов – «преувеличение». Хотя некоторые из них «имели огромное информационное влияние» [24], но это было не так опасно, так как в 1990-е существовала свобода слова и конкуренция СМИ. «Сама суть взаимодействия власти и крупного бизнеса» изменилась с приходом к власти В. Путина. Если олигархи в 1990-х гг. «работали на себя», поддерживать или не поддерживать власть, «происхождение капиталов легко можно было отследить», то в путинской России «неудобных» можно посадить в тюрьму или создать условия для того, чтобы те покинули страну, а «смычка» между капиталом и властью достигла «такого уровня, о каком и ельцинские олигархи могли лишь мечтать» [28].

В-третьих, оба блогера сходятся во мнении, что нынешний режим использует миф о «лихих девяностых» в угоду своим интересам. Однако блогеры по-разному интерпретируют цели использования этого мифа. Для А. Рудого «девяностые» так и не закончились, и «хаос» [8] этого перехода всё также продолжает окружать россиян. Миф о «лихих девяностых» сконструирован только для того, чтобы скрыть преемственность режимов и системы отношений власти и капитала. М. Кац, напротив, уверен в том, что этот «миф и пропагандистский штамп» [29] используется путинской властью для того, чтобы присвоить достижения реформаторов (например, «восстановление экономики» [14] является долгосрочным следствием «шоковой терапии») и свалить на них всю вину за собственные неудачи.

* * *

Обсуждая результаты сравнительного анализа нарративов о 1990-х гг. «правых» и «левых» YouTube-блогеров, можно сказать, что в общем виде гипотеза о том, что роль этого периода в отечественной истории интерпретируется по-разному, подтвердилась. Тем не менее, с преемственностью ельцинского и путинского режимов ситуация выходит несколько неоднозначная.

Во-первых, «левые» YouTube-блогеры действительно оценивают роль 1990-х гг. отрицательно. Для них развал СССР и демонтаж советской экономики, который был окончательно завершён реформами девяностых, и последующие за этим обнищание населения, рост криминала, деградация социальной сферы и прочее – это культурная травма. Преодоление этой травмы возможно при просмотре итогов приватизации (в первую очередь, – ваучерной) и восстановлении справедливости. Критика текущего политического режима строится не просто из связи с ельцинской Россией, а из тезиса о прямом продолжении и трансформации ельцинских девяностых в путинские 2000-е гг. Особый акцент делается на том, что у власти находятся всё те же выходцы из «обуржуазившейся» советской элиты, которая развалила Советский Союз, а также придумывала и реализовывала рыночные реформы 1990-х гг., и класса олигархов, чьё сращивание с властью началось с гайдаровских реформ и окончательно завершилось уже при первом сроке президентства В. В. Путина, что окончательно превратило Россию в своеобразного представителя полупериферийного капитализма.

Во-вторых, в «правом» дискурсе во многом оценка роли 1990-х гг. положительна. Но при всём том не забываются и негативные тенденции, и даже политические ошибки, оказавшие отрицательное влияние на упрочнение и закреплении демократии, дух которой пронизывал ельцинскую Россию. Таким образом, в «правом» нарративе присутствует декомпозиция девяностых. К положительным моментам последнего десятилетия XX в. относятся либеральные реформы, создавшие базу для перехода к рыночной экономике и полному отмиранию плановой системы, а также принятая в 1993 г. Конституция, которая заложила основу для системы разделения властей, «профессионального» парламента, «настоящего» федерализма, свободы СМИ и честных выборов, что воплотилось на практике. К негативному опыту относится: а) тяжёлые для граждан краткосрочные последствия перехода к рынку, например, снижение расходов на социальную и культурную сферы и правоохранительные органы и последовавшие за этим бедность, падение качества образования, разгул преступности; б) политические промахи, вроде выбора суперпрезидентской формы правления, трагичной Первой чеченской войны и выбора преемника в лице В. В. Путина. И если вина за тяготы народа переносится с плечи реформаторов на плечи нежизнеспособной социалистической системы, а закрепление в Конституции главенствующей роли Президента объясняется патовой ситуацией октября 1993 г., то выбор преемника – самая большая политическая ошибка лично Б. Н. Ельцина. Но пусть даже выбор преемника был сделан в 1990-е гг., именно путинский режим разрушил все те демократические основы, заложенные в период правления Б. Н. Ельцина.

В-третьих, несмотря на полярные интерпретации событий 1990-х гг., в «левом» и «правом» дискурсах, их объединяет восприятие современного российского режима как создающего миф о «лихих» девяностых и использующего его для достижения определённых целей. В определении этих стремлений путинской пропаганды «левые» и «правые» блогеры расходятся, так как они соотносят цели с тезисами, содержащими критику действующего режима. Для «правого» дискурса этот миф представляет из себя «неиссякаемый источник», который действующий режим использует для оправдания собственных неудач. И, более того, так путинская власть присваивает достижение экономического роста конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда на самом деле экономический подъём является следствием «шоковой терапии» команды Е. Т. Гайдара. «Левый» дискурс видит цель распространения мифа о «лихих» девяностых в том, чтобы прикрыть то, что с приходом В. В. Путина мало, что изменилось, и те же олигархи идут рука об руку с властью, а рыночные изменения продолжаются.

И «левые», и «правые» YouTube-блогеры вступают в «риторическую борьбу» с действующей властью, соперничая с её интерпретацией 1990-х гг. Через репрезентации 1990-х гг. блогеры ставят перед своей аудиторией вопросы: «Насколько правильный режим в стране, в которой мы живём?» или «Насколько он легитимен и легитимен ли вообще?». На этом поле они оказываются в конфронтации с правящим режимом потому, что, в отличие от него, их изначальная идеологическая позиция определена, в то время как действующая власть четким «идеологическим субстратом» не обладает. Оспаривая властный образ девяностых, они, так или иначе, оказываются участниками нарративного создания мифов о недавнем прошлом и о его связи с настоящим, вовлеченными в практики низовой исторической политики. И, таким образом, запускают механизм идеологического конструирования образа связанных друг с другом прошлого и будущего.

Список литературы / References

- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва: Новое литературное обозрение. [Assmann, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics* [Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika]. Moscow. (In Russ.)].
- Ассман, Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Язык славянской культуры. [Assmann, J. (2004) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination* [Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti]. Moscow. (In Russ.)].
- Белов, С. И. (2021) 'Новые мнемонические акторы' в: Ефименко, Д. В., Миллер, А. И. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 401–413. [Belov, S. I. (2021) 'New mnemonic actors' [Novyye mnemonicheskiye aktry] in: Efemenko, D. V., Miller, A. I. (eds.) *The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy]. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, pp. 401–413. (In Russ.)].
- Гудков, Л. (2020) *Доверие институтам* [Gudkov, L. (2020) *Trust in Institutions* [Doveriye institutam]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 05.06.2022).
- Малинова, О. Ю. (2020) 'Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 53–63. [Malinova, O. Yu. (2020) 'The issue of "The Turbulent 1990s" in discourse of Russian communists and national-patriots' [Tema «likhikh devyanostykh» v diskursakh rossiyskikh kommunistov i natsional-patriotov], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, pp. 53–63. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) 'Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых»', *Политическая наука*, 3, сс. 45–69. [Malinova, O. Yu. (2018) 'Justification of the policy of the 2000s in the discourse of V. V. Putin and the formation of the myth of the "roaring nineties"' [Obosnovaniye politiki 2000-kh godov v

- diskurse V. V. Putina i formirovaniye mi-fa o «likhikh devyanostykh»], *Political Science*, 3, pp. 45–69. (In Russ.).
- Малинова, О. Ю. (2017) 'Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4, сс. 6–22. [Malinova, O. Yu. (2017) 'Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: the possibilities of comparative analysis' [Kommemoratsiya istoricheskikh sobytyy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza], *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 4, pp. 6–22. (In Russ.)].
- Сафронова, Ю. А. (2019) *Историческая память. Введение. Учебное пособие*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Safronova, A. Yu. (2019) *Historical memory. Introduction. Tutorial* [Istoricheskaya pamyat'. Vvedeniye. Uchebnoye posobiye]. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg. (In Russ.)].
- Хальбвакс, М. (2007) *Социальные рамки памяти*. Москва: Новое издание. [Halbwachs, M. (2007) *Social framework of memory* [Sotsial'nyye ramki pamyati]. Moscow. (In Russ.)].
- Hirsch, H. (1995) *Genocide and the Politics of Memory: Studying Death to Preserve Life*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Holmes, L. (2010) 'Legitimation and Legitimacy in Russia Revisited' in: Fortescue, S. (ed.) *Russian Politics from Lenin to Putin*. London: Palgrave Macmillan, pp. 101–126.
- Shaw, A., Benkler, Y. (2012) 'A Tale of Two Blogospheres: Discursive Practices on the Left and Right', *American Behavioral Scientist*, 4, pp. 459–487.
- The Association for the Study of Nationalities (2021) *Interview with Olga Malinova*. Available at: https://nationalities.org/news-archive/interview-with-olga-malinova?fbclid=IwAR1k0zoFsoIWnvfaoKys6MECS9t3vB4RUyDV1w6tWIGtJyC_1g9xid2bI (Accessed: 30 December 2021).
- Wolfrum, E. (1999) *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.07.2022

Статья принята к печати: 08.08.2022

PRACTICES OF GRASSROOTS HISTORICAL POLITICS IN MODERN RUSSIA: CONSTRUCTION AND POLITICAL REPRESENTATION OF THE 1990S BY YOUTUBE-BLOGGERS

L. D. Chemeriskaia

L. D. Chemeriskaia, MA Program student, Political Science Department,
Perm State University.

E-mail: l.chemeriskaia@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8391-1616).

Abstract

The opportunities for participation of the broader masses in the political process, have expanded, however, little attention is paid to the study of blogs in the research literature, while the blogosphere is a space for political communication that meets the signs of scale and openness. The article identifies the practices of constructing and representing the "nineties" in the narratives of YouTube bloggers who position themselves as "left" or "right" and how criticism of the current political regime of Russia is interwoven into these representations. The work is based on the concept of collective memory, and the studied practices are understood as a grassroots historical policy. As a result of a comparative analysis of narratives about the 1990s in the discourse of the authors of the YouTube channels "Maxim Katz" and "Vestnik Buri", the author concludes that the "left" and the "right" interpret the role of the 1990s in Russian history differently, but in general, they agree that the modern Russian political regime, its constitutional base, were formed by the Yeltsin regime. Moreover, both bloggers agree that the current power elites propagate the myth of the "dashing nineties" to achieve their goals, while disagreeing on what the goals of using this myth are.

Keywords: "nineties"; left- and right-wingers; politics of memory; YouTube-blogs; historical narratives.